

Нетипичные воззрения известного советского экономиста или мог ли быть в России «пекинский» консенсус?

Шапиро Н.А. v-shapiro@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
низкотемпературных и пищевых технологий

В статье развивается тезис о том, что среди теоретико-экономических (политэкономических) воззрений советского периода 60-80-х годов с течением времени все более рельефно будет выделяться «цаголовская школа». Свое название она получила по фамилии заведующего кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1957–1985) — Николая Александровича Цаголова (1904–1985). В советский период известность имени и школы автоматически не привели к правильному в научном смысле пониманию и оценке потенциала идей Н.А. Цаголова для реального социализма и за его историческими границами.

Ключевые слова: история экономической мысли советского периода экономическая методология, ядро и периферия, планомерность, рынок, система категорий и законов, «пекинский» консенсус.

Н.А. Цаголов¹ является автором книги «Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права», основные сюжеты которых относятся к экономическим воззрениям в середине XIX в. [1]. Эта книга была одной из первых, крупных работ автора, где, в частности, были изложены основные идеи его докторской диссертации. Для того, чтобы упорядочить картину мира экономической мысли того времени, им были выделены наиболее типичные и нетипичные взгляды представителей дворянства, как среди противников, так и сторонников отмены крепостного права в России, приведены наиболее распространенные и особенные аргументы «за» и «против», бытовавшие в среде образованных людей того времени.

Сегодня, представляя очерк по истории экономической мысли советского периода, следует отметить, что в условиях тотальной идеологической несвобо-

¹ В 2009 году исполнилось 105 лет со дня рождения Н.А. Цаголова, а в 2010 году — 25 лет со дня его смерти. Статья посвящается его памяти.

ды, идеологической монополии марксизма, научное творчество самого Н.А. Цаголова, как и его школы, является в наибольшей степени нетипичным по сравнению с его коллегами — политэкономами марксистского толка.

Сначала отметим, что такое типичное отношением к марксизму. Это отношение как к «священной корове». Лучше назвать белое черным, чем попытаться объяснить, почему вместо белого появилось черное или серое. Одним из главных камней преткновения в теории и практике социализма были вопросы товарно-денежных отношений. В методологическом решении этих вопросов и состоит проявление нетипичности воззрений цаголовской школы и ее историческая значимость.

Одним из первых определить исторические заслуги Цаголова в отечественной науке пытался авторский коллектив экономистов-историков Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ) еще в 1983 году [2] — при жизни Н.А. Цаголова и в 1989 году — уже после его кончины. Незаурядность и колоритность личности Н.А. Цаголова [3] использовалась писателями-современниками как прототип художественного образа грозного советского экономиста-мэтра, якобы не признающего товарное производство при социализме [4].

К 100-летию Н.А. Цаголова в 2004 году был издан ряд работ, в которых ныне здравствующие коллеги пытались определить историческую значимость идей Н.А. Цаголова, дать им теоретическую идентификацию уже с высоты прошедших лет. Спектр высказываний простирается от явно негативных (Г.Х. Попов [5]) до безапелляционно позитивных (авторский коллектив издания под редакцией К.А. Хубиева [6]), как в моральном, так и научном смысле.

Целью данной статьи является не столько критика уже известных точек зрения о Цаголове и его школе, сколько желание акцентировать внимание на тех научных положениях, которые не нашли отражения в существующих публикациях о цаголовской школе, и, которые выходят за исторические рамки политэкономии социализма и его реальной практики.

Одной из наиболее информативных работ, вышедших к 100-летию Н.А. Цаголова, безусловно, является «Судьба политической экономии и ее советского классика». В Предисловии «От авторов», сказано, что они хотят: «Суметь показать, как борьба за свои убеждения перед лицом исторического вызова определила жизненный путь человека, — значит, создать его *концептуальную биографию*. Она должна, стало быть, объяснить экзистенциальный выбор, сделанный им в контексте своего времени» [5, с.12]. Авторы берутся за решение двух задач. Первая — это «создать концептуальную биографию», а вторая —

«объяснить экзистенциальный выбор». Если создание концептуальной биографии является вполне научной задачей, (качество решения которой упирается в способности ее создающих), то задача определения экзистенциального выбора — невыполнима по определению. Экзистенциальный выбор не может объяснить даже сам человек его осуществляющий, что уж говорить о том, как определяют его другие, да еще много лет спустя. И текст книги яркое тому подтверждение: у каждого из соавторов — С.С. Дзарасова, С.М. Меньшикова, Г. Х. Попова – Н.А. Цаголов получился «свой». В одном случае он предстает идейным борцом за научную истину (Дзарасов) или за идеалы социализма (Меньшиков), в другом — бюрократом, пришедшим подобно пушкинской старухи к разбитому корыту (Попов) [5, с. 368, 376, 381, 394].

Что касается определения научных заслуг, то авторы «Судьба политической экономии ...» оказались едины в формальном признании предмета исследования цаголовской школы, которая занималась системной разработкой марксистского метода, но разошлись в оценках ее результатов. Один автор оценивает их позитивно, поскольку Цаголов, предлагая свои решения проблем, не пытался выйти за «красные флажки» марксизма (С.С. Дзарасов) [5, с. 12], а другие — негативно, потому, что модель социализма Цаголова не эффективна (С.М. Меньшиков) или потому, что она утопична (Г.Х. Попов). Данные оценки можно рассматривать как агрегированные и репрезентативные по отношению ко всему спектру мнений, высказанных другими экономистами, за исключением еще одного, в котором исторические заслуги Цаголова связаны с историей мысли, а не экономической теорией. И потому последующее апеллирование к указанным точкам зрения не следует расценивать, как факт личной предвзятости автора статьи — (Н.Ш.) к известным экономистам — С.С. Дзарасову, С.М. Меньшикову, Г.Х.Попову.

Литература, посвященная 100-летию Н.А. Цаголова, инициировала принципиальную проблему о «школах» в рамках марксизма. Есть ли смысл говорить о «цаголовской школе», тогда как в советское время все обществоведы стояли на одних и тех же идеологических позициях и вести речь о вкладе Цаголова и его коллегам возможно лишь в контексте расширения проблемного поля марксизма?

Как отмечает В.В. Куликов [7], феномен научной школы вообще предполагает, что 1) она представляет собой особое оригинальное направление в развитии науки, 2) существует сообщество единомышленников, имеющих своих последователей и, что этим критериям вполне соответствует цаголовская школа. А «степень тесноты связи» подходов в изучении марксизма в советский пе-

риод, несмотря на то, что «школы не были разведены не то, что по разным домам, но и даже по разным квартирам: они «проживали» в комнатах одной коммунальной квартиры», не мешает им быть таковыми в рамках марксизма [7].

Развивая данный тезис, отметим, что существуют же школы маржинализма, монетаризма, кейнсианства и проч., которые так же не разведены по разным домам, а порой и по разным квартирам. Но в рамках каждой из указанных «групп» школ разделяются исходные общие положения, но различаются по способам обоснования их правомерности, либо масштабам изучения функциональных проблем, либо по интерпретациям выводов для политики или хозяйственной практики и проч.

Приведем еще один довод в пользу существования школ марксизма, который состоит в следующем. К. Маркс, по имени которого названо течение в обществоведческой мысли, является в своем «имманентном» писательском статусе *критиком* политической экономии, а не теоретиком в традиционном смысле. (См. подстрочное название «Капитала» — «Критика политической экономии», а также работы, предваряющие «Капитал», «Теории прибавочной стоимости» и «К критике политической экономии»). Критика политической представляет собой особый научный жанр, широко распространившийся в середине XIX века.

Маркс, как известно, критиковал классическую политэкономия и отмежевался от нее, показывая, что она не адекватно объясняет современный ему капитализм и в разной степени пригодна для обоснования необходимости его изменения. С этой точки зрения он разделил существующую тогда экономическую теорию на «классическую» и «вульгарную», не отождествляя свои идеи ни с той, ни с другой. То, что трактовалось как вечное — рынок или товарно-денежные отношения, классовая структура общества, было переведено им в ранг исторического и названо «классическим», а то, в чем отражалось особенное в пространстве и во времени, было отвергнуто вообще, и названо «вульгарным».

Если критика является неотъемлемым элементом теории (любая новая теория начинается с критики предшествующей), то собственно теория не является очевидным или автоматическим следствием критики. Маркс, позиционируя себя как критик, тем самым оставлял проблемное поле для теоретиков. И в этом смысле, стремление разрабатывать «стандартную» теорию в отношении социализма, представить ее в дисциплинарном виде вполне логично, что неизбежно порождало интерпретации, т.е. варианты толкований или школ (была бы интерес). Экономическая теория в традиционном смысле, нейтрально-позитивном, объясняющая порядок вещей или реализующая в нормативном варианте, не

представлена у Маркса явно, и его критика не обладает необходимой конструктивной завершенностью теории. Кроме того Марксова критика, во многом и часто перерастающая рамки политической экономии, переходила в критику капиталистической системы в целом. Задача, которую решали отечественные исследователи Маркса в XX веке: выявить теоретическую составляющую, очищенную от критики, социальных политических наслоений, представляется вполне научной и весьма непростой, поскольку сам автор (Маркс) усложнил проблему для будущих последователей тем, что использовал научную риторику как форму для критических высказываний.

В отечественных исследованиях было отмечено, что уже первоначальный вариант «Капитала», задуманный Марксом как «Критика политики и политической экономии» (в 40-е гг. XIX в.), был политическим заказом [8, с. 22—23]. А когда в Германии в 1846 году запретили выпуск социалистических и коммунистических работ, издатель Леске соглашается опубликовать Маркса при условии, что это будет «чисто научная работа». Научная риторика для Маркса была вынужденной формой полемики против немецкой философии и немецкого социализма.

Из-за предпринятой инверсии: «наука» как форма, а «полемика» как содержание создаются неизбежные трудности в однозначности трактовок теоретико-экономических положений Маркса, здесь появляется широкое поле для интерпретаций [9, с. 290-302]. А если привлекать к дискурсу опубликованные работы, не отредактированные самим Марксом, то это еще более запутанная история.

Изучение метода «Капитала» К. Маркса, формулирование основных методологических принципов для создания собственно марксистской теории социализма есть необходимое условие для разработки любой науки, что и было представлено, прежде всего, в исследованиях цаголовской школы. Недооценка этого обстоятельства оппонентами Цаголова может рассматриваться как факт гносеологической неадекватности.

Кроме того, в методологических исследованиях Цаголов исходил из незавершенности решения задач системного подхода в классической школе, на которую указывал Маркс: «...Смит не установил четкой связи между категориями, он поставил в одну плоскость изучение категорий, выражающих разные уровни познания сущности и явления. Отсюда и его неразличение категорий, находящихся на разных уровнях восхождения от абстрактного к конкретному. Эту особенность «Богатства народов» К. Маркс характеризовал как сочетание в нем на равных началах двух линий изучения — эзотерической, т.е. ис-

следования экономических отношений в их внутренней связи, и экзотерической, т.е. рассмотрение этих отношений в тех формах, в которых они проявляются на поверхности. Это приводило к разноречивым толкованиям содержания одних и тех же категорий в «Богатства народов» [10, с. 18]. И далее: «Умение отличать категории эзотерического порядка от категорий экзотерического порядка и найти необходимые формы связи между ними необходимо всегда, когда наука в процессе своего развития обогащается новыми категориями. Недостатки системы «Богатства народов» в этом смысле следует рассматривать не только как «детскую болезнь» первого опыта создания системы политической экономии, но и как трудность каждого этапа поступательного движения науки» [10, с. 20]. Задача, таким образом, была методологическая — разграничить важные и второстепенные отношения в комплексном разнообразии производственных отношениях, применительно к любой институционально определенной их совокупности, в любом способе производства. Решение искалось через разработку системы категорий и законов производственных отношений способа производства вообще.

Поэтому «цаголовская» теория была ближе к классической политической экономии [10, с. 270], как справедливо отмечает Дзарасов, точнее к теории в ее традиционной дисциплинарной форме, нацеленной на познание сущности, объяснение реального, современного общества, а не на критику общества и теорий его объясняющих, (но к этому же стремились и другие «школы» и авторы).

«...Истинное развитие науки есть познание сущности экономических процессов и форм ее проявления, буржуазная политическая экономия после классиков перестала быть научной...» — отмечал Н.А. Цаголов [11, с. 8]. Здесь есть основания согласиться с тем, что в рамках классического дискурса после Дж.С. Милля как завершающего экономиста-классика, политическая экономия не развивалась. На ее базе возникли новые теории: теория исторической школы, отвергшая общность принципов развития рынка и цен, и маржинализм, который сохранив идеи общих принципов, «конструктивно» реализовал их в иной гипотезе или ином конструкте (предельной полезности), объяснения сущности рынка и цен. Маржинализм стал основой неоклассического научного дискурса и соответствующей позитивной теории. Задача же формирования экономической теории марксизма на этапе социализма, представление ее в соответствующей дисциплинарной форме, с воспроизведением ряда содержательных постулатов классической школы в контексте марксистской критики, решалась в советское время. Первый результат — это учебник 1954 года [12]. Далее последовали виды и разновидности, варианты концепций (школ) и учебников.

Таким образом, существования школ марксизма в советский период правомерно и оправдано.

Тот факт, что реальный социализм оказался не эффективной системой трудно оспаривать, но нельзя согласиться с тем, что социализм был неэффективен из-за модели Цаголова (С.М. Меньшиков). Реальный социализм есть результат исторического выбора, который был сделан страной, ее руководителями и народом, и той хозяйственной практики, которая отвергала разнообразие форм и методов хозяйствования, в том числе и товарно-денежных отношений или рынка (в современной риторике), отдавая предпочтение плану. Цаголов стремился теоретически увязать сложившуюся практику и экономическую теорию в рамках метода «Капитала» К. Маркса, тотальное распространение которого (метода К. Маркса) было следствием идеологической монополии, установленной государством, а не личным выбором Цаголова. Чтобы бороться против государственной идеологии в СССР, надо быть политическим диссидентом, а не действующим профессором в вузе.

Дилемма состояла в том, что если «грубо, зримо» признать необходимость товарно-денежных отношений в реальной экономике социализма, то следующим логическим шагом было: либо отказ от марксистских принципов построения нового общества в том виде, как они воспринимались в тот исторический период, т.е., отрицающими товарно-денежные отношения, либо отказ от практики товарно-денежных отношений при социализме. Цаголов, сделав изначально выбор в пользу принципов, в конечном счете, обосновал практику использования товарно-денежных отношений как сосуществующих с планомерными отношениями, имманентными социализму как первой фазе коммунизма.

Развивая метод в системном смысле этого слова, товарно-денежные отношения были включены в теоретическую модель отношений реального социализма (См. логику и структуру «Курса политической экономии», Том II [13]).

История науки свидетельствует, что когда ее теоретическая составляющая перестает быть научно продуктивной, наука прибегает всякий раз к методологическим изысканиям.

Столкнувшись с проблемами и противоречиями при объяснении новых, не исследованных в классическом марксизме, явлений монополистического капитализма, товарно-денежных отношений при социализме, поиск их разрешения привел к методологии. Поэтому тот, кто называет исследования Цаголова «схоластическим теоретизированием» является куда более далеким от понимания истинной глубины проблем социализма и его теории, чем Цаголов. Методологические разработки цаголовской школы, вызванные к жизни именно сложно-

стями создания теории социализма и его практикой, в результате оказались сопоставимы с лучшими западными образцами философии науки 70-х годов XX века.

Так наиболее часто цитируемый современными отечественными экономистами философ науки постпозитивистского толка И. Лакатос (Лакатош)², объясняя свою методологию исследовательских программ, указывает, что у всех исследовательских программ есть «жесткое ядро» — (условно нефальсифицируемую часть), «техника решения проблем» (математический аппарат) и «защитный пояс» дополнительных гипотез, которые должны модифицироваться или заменяться новыми при столкновении с противоречащими им примерами. «Отрицательная эвристика» запрещает вносить изменения в «жесткое ядро»; «положительная эвристика» направляет ученого к внесению модификаций в «защитный пояс». Возникновение новой исследовательской программы, способной объяснить теоретический успех своей предшественницы и лучше ее предсказывать неизвестные ранее факты, ведет к смене программ [14, с. 75–85].

«Ядро» и «защитный пояс»! А не напоминает ли это цаголовскую методологию понимание системы!? Безусловно — «да», не только формально или риторически, но и по существу: ядро системы — исходное и основное производственное отношение, которые имманентны природе способа производства, а иные отношения, в которых отражается особенность данного, конкретно-исторического периода, составляют периферию или «защитный пояс».

Системные принципы были положены в основание изучения экономических категорий и законов и логики становления производственных отношений. Были выделены: исходное отношение, как способ соединения производства и потребления (или форма хозяйства) и основное отношение — способ соединения производителя со средствами производства (или отношения собственности). Два этих отношения рассматривались как ядро любой системы производственных отношений, вне зависимости от их институционально-классовых рамок. Применительно к социализму (коммунизму), имманентными ядру были планомерность как исходное отношение, и общественная собственность — как основное. Товарно-денежные отношения, определяемые как неимманентные системе, были отнесены к «защитному поясу» дополнительных гипотез, которые модифицировали созданную Марксом систему отношений в рамках реальной практики хозяйствования, сохранив ее жесткое ядро. Идея степени зрело-

² И. Лакатос — логик, математик, философ науки (Как математик был в аспирантуре в МГУ им. М. Ломоносова в 1949 г.)

сти производственных отношений, позволяла «допустить» товарно-денежные отношения при социализме в «защитный пояс» коренного «ядра».

Использование такой категории как «форма хозяйства»³ в цаголовской школе служило инструментом воссоздания научной картины мира в реальном историческом многообразии производств материальной жизни — натуральном, товарном, плановом.

Формально Н.А. Цаголов никогда не позиционировал свои взгляды иначе как марксистские. Но он в определенном смысле совершил методологический прорыв, поскольку его интеллектуальный потенциал исследователя позволил ему выйти за гносеологические рамки философского позитивизма XIX века. Он,

по-сути, добился результатов, сравнимых и идентичных с западным постпозитивизмом (выделением «ядра» или коренных отношений и «периферии» ил некоренных отношений, выделение научно-исследовательской программы или системы категорий и законов способа производства), к которым Запад подошел через бурные дискуссии с неопозитивизмом по поводу универсальности критериев научной рациональности (Т.Кун, М. Поланьи). Цаголовская школа - это школа экономической методологии, раскрывшая новые для своего времени и актуальные до сих пор представления о системе экономических отношений и о самом методе как системе, значимость которых еще не оценена по достоинству.

Методология в цаголовской школе вышла за рамки описания отдельных приемов — восхождения от абстрактного к конкретному, единства логического и исторического, а, развивая Марксов тезис о «клеточке», поднялась до понимания метода как открытой системы, развитие которой происходит параллельно с многообразием самого мира и экономики, характера решаемых задач [16]. Расширение многообразия мира и задач порождает «защитный пояс» дополнительных гипотез. Методологическая проблематика благодаря цаголовской школе перешла в статус особого, специального методологического направления экономического знания, сформировала *специальную отечественную литературу по методологии*.

Методологические идеи Цаголова были нацелены на создание политической экономии в широком смысле, т.е. на создание социально нейтральной теории, выходящей за традиционные институционально-классовые рамки. Это совпадало с перспективными целями классиков марксизма — создание политэкономии в широком смысле, но в отличие от классической теории, она не предпо-

³ В одной из последних своих статей Н. А. Цаголов указывал на недооценку значимости разработки отечественной наукой категории «формы хозяйства».[15, с.11,13–17].

лагалась креационистской, основанной на «невидимой руке провидения» в качестве онтологической предпосылки, она предполагалась как эволюционная, историческая, согласно принципам материалистической диалектики.

Главная проблема эволюционизма — поиск переходных форм и причин их появления (когда и почему начинает разрушаться «ядро» и когда становление нового «ядра» завершается). Цаголовская школа в стремлениях разрабатывать политэкономия в широком смысле совершенно четко осознавала эту проблему. «Политэкономия в широком смысле не есть простая сумма, ни даже простая совокупность систем политических экономий отдельных способов производства. Она представляет собой систему систем, т.е. включает и совокупность политических экономий всех исторически существовавших способов производства, и исследование совокупностей закономерностей *перехода* от одного способа производства к другому» [17, с. 457].

Возвращаясь к методологическим исследованиям Лакатоса и Цаголова можно отметить один примечательный факт, что они по-разному, но связаны с марксизмом. Ведь Лакатос разделял идеи К. Поппера, который был признанным критиком К.Маркса. Он разрабатывал предложенную Поппером методологическую исследовательскую программу с большим упором на рационально реконструированную историю, использующую конкретные примеры. По словам Лакатоса, «философия науки без истории науки пуста; история науки без философии слепа». Здесь уместно апеллировать к цаголовским акцентам на развитие принципов единства логического и исторического в гносеологическом движении от абстрактного к конкретному.

Главное достижение Лакатоса в философии науки — постулирование исследовательских программ как ключа к пониманию прогресса теоретической науки. Лакатос считал исследовательские программы, включающие серии теорий и содержащие как фальсифицируемые, так и нефальсифицируемые элементы, наиболее пригодными для оценки долговечности научных теорий и рациональности их опровержения.

«Философия и методология исследовательских программ» труд жизни Лакатоса, был опубликован впервые в 1968г. Этим же годом датируются публикации Н.А. Цаголова, посвященные методу политической экономии. Это статьи: «"Капитал" К. Маркса и методологические вопросы изучения современного капитализма», «Метода "Капитала" К. Маркса и вопрос о пределах абстракции в политической экономии социализма» [17, с. 75, 87, 174, 178], где речь шла о коренных отношениях и отношениях, не выражающих коренной сущности системы производственных отношений. Наиболее в развитом виде идеи системы

производственных отношений были изложены в Предисловии к третьему изданию «Курса политической экономии» [18].

Системный принцип был распространен на понимание и самого метода экономической теории, и исторически определенную систему производственных отношений. В эволюции знания от уже известного к новым знаниям, к отделению нового от старого, к неограниченному его разделению и расширению, признавая, ограниченность и противоречивость конкретного этапа и приема познания, состоит нетривиальное понимание диалектического процесса в методологии цаголовской школы.

«Сохранение ядра», согласно методологии цаголовской школы, не позволила в свое время одним исследователям безапелляционно утверждать, что социализм — это новый тип товарно-денежных отношений, т.е. разрушить суть марксистской науки, а другим настаивать на «отрицательной эвристике», полагая, что нормальное развитие современного общества возможно без рынка.

Отношение философов и ученых к идеям Лакатоса было неоднозначным, но, несмотря на определенные возражения, исследовательские программы Лакатоса стали частью современной философии науки.

Авторы «Судьбы политической экономии...», в частности сетуют, что Цаголов не мог воспользоваться всеми достижениями западной теории из-за идеологической изоляции. Но разумнее сетовать не по поводу Цаголова, а самих себя, когда мы даже в условиях идеологической свободы, «деидеологизированной» общественной науки, не только не оценили потенциала «положительной эвристики», который содержит методология цаголовской школы, но и не обнаружили, и не признали поразительного сходства с методологией Лакатоса.

Что касается утопий, о которых говорит Г.Х.Попов: «... Если абстрагирование Маркса шло от реальности, то абстрагирование Цаголова было гегелевским: оно брало саму идею и развертывало ее по законам логики. При таком абстрагировании не могло появиться ничего иного, кроме нового варианта утопического социализма. Логичность абстракции Цаголова достигнута переходом в нечто придуманное, то есть в сферу утопии» [5, с. 372–373].

Но всякая теория как абстрактная конструкция всегда утопия (как отмечал М.Вебер). Проблема была не в том, чтобы логически появилось нечто «иное», а в том, чтобы объяснить существующее, которое было «иным» по сравнению с тем, что предполагалось в теории Маркса — это, во-первых. Во-вторых, объяснить это «иное» необходимо было, принципиально не разрушая исходных принципов марксистской теории, а лишь развивая их.

Утопические абстракции опасны не сами по себе, а попытками их неадекватного воплощения или практической реализации. Стремление практического воплощения утопий ведет к жизненным трагедиям, а использование их для теоретического объяснения реального: восхождение от абстрактного к конкретному — делает их продуктивным научным инструментом. Объяснения требовала взаимосвязь товарно-денежных отношений и социализма в реальной практике последнего. Это сложнейшая научная задача потому, что эффективность рыночных отношений, подтвержденная на протяжении столетий, не имеет до сих пор адекватной теории, объясняющей рынок, деньги или цены и пр. Цаголову же удалось объяснить необходимость использования товарно-денежных отношений при социализме, определить их место в рамках системы отношений реального социализма, не на основе какой-либо иной содержательной трактовки товарно-денежных отношений («отношения особого рода», «непосредственно-общественные товарно-денежные отношения» и пр.), то есть теоретически, а на основе развития методологии системного подхода.

Нет смысла и возможности начинать сначала практику воплощения социализма. Но в отношении «цаголовской» модели социализма можно заметить следующее. Идея степени зрелости производственных отношений, которая позволяла «допустить» товарно-денежные отношения при социализме в «защитный пояс» планомерного «ядра», сближает «цаголовскую» модель социализма с так называемым «пекинским консенсусом», эффективность которого не подвергается в настоящее время сомнению. В его основе лежит сосуществование идеологии и практики хозяйствования, считавшихся в рамках западных теорий несовместимыми (рынок и коммунистическая идеология государства). Но китайская практика убедила многих сомневающихся в том, что, когда решаются проблемы переходных состояний, то реализация положительного потенциала конкурентной экономики должна осуществляться при участии, под контролем и при поддержке государства [19], его плановых основ управления и регулирования. Успехи «пекинского консенсуса» представляют собой косвенное подтверждение правоты теоретических идей цаголовской школы. Косвенное — потому, что Дэн Сяо Пин подошел к идеям сосуществования рынка и идей коммунизма, отталкиваясь от политической мудрости и целесообразности (как это представляется, хотя «Восток — дело тонкое»), а не через развития теории коммунизма или ее метода.

Если формулировать вопрос в марксистской риторике: были ли в Советском Союзе к моменту проведения рыночных реформ теоретические предпосылки для эффективного развития рынка по контролем государства? Следует

ответить, что были. Остается без ответа вопрос: почему ими не воспользовались?

История советской экономической мысли еще не написана. Но чем больше проходит времени, то тем более настоятельной становится потребность в этом. И все более различимыми в проблемном поле марксистского дискурса становятся две группы советских экономистов. Первая — это те, которые объясняя практику реального социализма, развивали метод и на его основе теорию марксистской политэкономии. Вторая — это авторы, безапелляционно выражавшие веру в теорию и ее абсолютную истинность и действенность. Как писал Н.А. Бердяев, что в России от гегелевской философии ждали разрешения судеб православной церкви [20, с. 35]. Примерно того же хотят оппоненты Цаголова, как те, что ждали от наследия Маркса решение исторической судьбой социализма в XXв., так и другие, которые полагали, что такое решение содержится в некоей другой теории.

Именно скрыто верующие в «немарксизм», оказались потом, открыто верующими в теорию «невидимой руки провидения» А. Смита.

К первой группе советских экономистов следует отнести цалоговскую школу, которая была немногочисленна и потому нетипична. Ко второй группе — тех, которых объединяет отсутствие конструктивности, диалектичности мышления в методологическом смысле, их было большинство, а потому эти взгляды можно назвать типичными, несмотря на то, что теоретически оппоненты Цаголова различались между собой (в частности, по содержательным трактовкам товарно-денежных отношений при социализме). Главный «водораздел» между советскими политэкономами лежит в области методологии.

Не поняв и не оценив положительной эвристики методологии цаголовской школы, первые российские либералы 90-х годов XXв. оставались односторонними и закостенелыми, «недиалектичными» экономистами, т.е. не принимающими теории как развивающегося инструмент познания меняющегося мира. Пережив более чем двадцатилетний период рыночных реформ, не оправдавших во многом ожидания российского общества, и, анализируя опыт, можно сказать следующее. Причина неудач кроется, во все той же прямолинейности воплощения абстрактных принципов в практику, в неумении видеть реальность, и развивать метод теории, эту реальность объясняющий. В данном случае речь идет уже не о марксизме, а о монетаризме или «вашингтонском консенсусе», с его принципами приватизации, либерализации, открытости, бездефицитности бюджета и проч.

Список литературы

1. Цаголов Н.А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956.
2. История политической экономии социализма. Очерки. Научные редакторы Д.К. Трифонов, Л.Д. Широкоград, Изд-во Ленинградского ун-та, 1983.
3. История политической экономии капитализма. Изд-во Ленинградского ун-та. Под редакцией А.А. Демина, Н.В. Раскова и Л.Д. Широкограда, 1989.
4. Валовой Д. В. Поиск: экономическая повесть. — М.: 1983.
5. Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
6. О творческом наследии Н.А. Цагорова: к 100-летию со дня рождения/ Под ред. К.А. Хубиева. — М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004.
7. Куликов В.В. «Цаголовская школа» и ее современное звучание //Российский экономический журнал, 2004, № 4.
8. Первоначальный вариант «Капитала». (Экономические рукописи К. Марка 1857-1859 годов). — М.: Политиздат, 1987.
9. Шапиро Н.А. Ранний Маркс: философия критики//Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ № 1 (55) 2008.
10. Цаголов Н. А Вопросы истории политической экономии. М., Изд-во Моск. Ун-та, 1984.
11. Цаголов Н.А. Основные проблемы политико-экономической науки на современном этапе/ Проблемы развития политической экономии и совершенствование ее преподавания. — М.: 1985.
12. Политическая экономия. Учебник. Под ред. К.В.Островитянова государственное изд-во политической литературы. М., 1954. 640 с.
13. Курс политической экономии. Том II. Социализм. Под ред. Н.А. Цагорова.Изд-во «Экономика», Москва — 1974. 670 с.
14. Лакатос И. Методология исследовательских программ. Изд-во ЕРМАК, М., 2003.
15. Цаголов Н. А. О функциях политической экономии и кризисе буржуазной политической экономии / Проблемы развития политической экономии и совершенствование ее преподавания. М. 1985.
16. Куликов В.В. Материалистическое понимание истории и вопрос о предмете и методе политической экономии/Метод политической экономии социализма. Под ред. В.Н. Черковца, А.А. Сергеева. М., Наука. 1980.

17. Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономики. М., Изд-во Моск. Ун-та, 1982.
18. Курс политической экономики. В 2-х томах. Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1973, Т.1.
19. Столяров И.И. Формирование национальной инновационной системы. М.: ТЕИС. 2007.
20. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991.

Renowned Soviet economist's non-relevant outlook or whether a “Pekingese consensus” could be in Russia?

Shapiro N.A.

The paper elaborates a thesis that among theoretical economical outlooks of the Soviet period in 1960s–1980s as the time is going on “Tsagolov School” will become more and more prominent (in relief). The school was named after Nikolay Alexandrovitch Tsagolov, the head of the Department of Political economy at the Economics Faculty in M.V. Lomonosov Moscow State University (1957–1985). During the Soviet period the fame of the name and the School did not automatically bring to scientifically proper understanding and appreciation of Tsagolov's ideas for real socialism and beyond its historical scope.

Keywords: the history of economical outlooks of the Soviet period, economical methodology, centre and periphery, regularity, market, system of categories and laws, “Pekingese consensus”.